

ЧЕЛОВЕК СМЕЮЩИЙСЯ*

Вопрос «что такое человек?» – имеет многовековую историю. Древняя мудрость гласит: «люди – смертные боги» (герметическая традиция), «человек – образ и подобие Божие» (Библия), Аристотель определил человека как «двуногое без перьев», а также как «политическое животное». Современные научно-философские концепции пытаются осмыслить феномен человека, указывая на тот или иной существенный, но взятый в отрыве от других, абстрактный признак. Наиболее известные определения гласят, что человек – это существо разумное, действующее, играющее, говорящее, создающее орудия деятельности, общественное, творческое, борющееся, создающее и использующее символы... По И. Канту, человек – житель двух миров, мира природы и мира свободы. В послекантовской традиции проявления человека в этих двух мирах исследовались преимущественно обособленно. Но смех представляется той способностью человека, которая встречается на стыке вышеуказанных миров.

Смех разнообразен по своим истокам и формам выражения, но всегда является знаковым событием человеческой жизни. Смехом человек заявляет о себе как о родовом существе уже в раннем детстве, около сорокового дня после рождения. Первая улыбка, радостный смех – признаки здорового, нормального развития ребенка. В первую очередь смех говорит о пробуждении душевной жизни человека. Улыбкой, смехом ребенок, еще не умея говорить, как бы заявляет – я человек.

Аристотелево определение человека как политического животного напоминает, что всю жизнь мы несем в себе животное начало в форме естественных потребностей и страстей. Есть проявление смеха, напоминающее биологический рефлекс, а именно смех при щекотке как реакция организма на внешнее механическое воздействие, особенно в неожиданной ситуации.

И все же смех – это, главным образом, знак преодоления животного начала в человеке, способ возвышения над ним, знак освобождения от анималистичности. Причем, следует говорить не только об отходе от животности в плане указания на тот факт, что животные не смеются. Что-то похожее на смех можно наблюдать и в поведении обезьян, когда они поднимают верхнюю губу и обнажают зубы. Но зоология приписывает этой мимике другой смысл – потенциальную агрессивность.

Смех органически сопряжен с процессом дыхания (следовательно, является проявлением жизни) и характерен как норма для бодрственного состояния человека, хотя нечто похожее на реакцию смеха наблюдается иногда в мимике спящего. Смех предшествует речи и имеет общий с ней орган выражения – гортань. Свой собственный голос, как знак гармоничного состояния организма, ребенок впервые слышит как радостный смех.

Смех – знак начала индивидуальной биографии, которая в собственном смысле слова бывает только у человека. Животное не поднимается до индивидуальности. То, как смеется человек, уже в первые месяцы и годы жизни является ранним откровением его неповторимого, уникального характера. Смех свидетельствует о специфических особенностях душевно-духовных переживаний человека, обуславливает механизм общения, влияет на то, как складываются отношения с окружающими. Детский смех свидетельствует о яркости непосредственного переживания новизны мира, свежести чувств, встречи с тем, что переполняет душу радостью.

Смех ребенка – это первое свидетельство способности что-то различать, замечать и внутренне переживать получаемые впечатления. Когда в душе наряду с «я» созревает способность различать «ты, он, она, они», формируется дилемма «свое – другое», «свое – чужое». Человек оказывается постоянно перед необходимостью сравнивать, различать, выбирать, разрешать новые ситуации, не имея готовых рецептов. И в первые годы жизни смех, как правило, является знаком успешного решения ребенком трудностей, свидетельством переживания своих возрастающих возможностей.

Необходимость сравнивать все, что встречается в жизни, связана с поиском нормы (сравнение, равенство) и сопряжена с реализацией потребности человека в

самоутверждении. Если присутствует положительно-приемлющее отношение к «другому – чужому», тогда констатируют: «у вас – как у нас» или «у нас – как у вас». Выявленное при сравнении тождество говорит о причастности к «своим – близким», обеспечивает решение проблемы идентификации и обеспечивает уверенность в себе. В таком случае улыбка и смех могут быть средством релаксации, освобождения от комплексов, разрешения каких-то напряженных ожиданий. Способность посредством смеха разрешать какие-то затруднительные ситуации свидетельствует о коммуникабельности человека, о том, «легкий» или «тяжелый» у него характер. При этом определяющей является способность посмеяться не столько над другими, сколько над собой.

Вхождение человека во взрослую жизнь, приобщение к культуре связано с воспитанием, образованием, наполнением жизни социальным опытом, усложняющим механизм восприятия и понимания жизни. Социализация человека выражается в овладении и возрастающем контроле над внешними проявлениями поведения, над миром чувств и мыслей.

Знакомство с моральными требованиями общества, этикетом воспитывает сдержанность в проявлении смеха в определенных ситуациях, где он оказывается неуместен по тем или иным причинам.

В той степени, в какой человек овладевает своим естеством, он оказывается обитателем пространства культуры, в котором смех является одним из знаковых событий. И здесь человек смеющийся выступает как феномен культуры. Культуру при этом следует понимать в самом широком смысле, как все, что связано с различиями обычаев, традиций, ценностей, уровня и форм жизни, стереотипов мышления..., а также того, когда, как и по какому поводу смеется человек. Смех разнообразен по своим проявлениям и в жизни отдельных людей, и в жизни народов. Но как любое явление культуры, смех имеет определенную морфологию. Морфология смеха складывается независимо от пространственных и временных реалий, хотя выражается через них. Смех зарождается на стыке суровой действительности с виртуальной реальностью. Морфология смеха конституируется миром возможного. Человек смеющийся – это человек возможный. (Здесь имеются в виду не те человеческие возможности, которые расходуются на протяжении жизни). Смех питается виртуальным в том смысле, что для него нет невозможного, для него возможно все, для него все в возможном. Смех возникает в процессе пре-восхождения человеком самого себя, во взаимодействии человека и его заданной ипостаси. Смех выявляется как преодоление человеком собственной скованности, ограниченности самим собой. Смех сопровождается изменением структуры сознания хотя бы на короткое время, когда человек оказывается способен испытать переживание истинной свободы. Парадокс человека смеющегося заключается в сопряжении, с одной стороны, предельной открытости, жертвенной незащищенности и незастрахованности какими-либо конвенциональными условиями и рамками, а с другой стороны, — «точечной» способности высвобождения из-под гнета привычных форм подчинения: экономического, социального, духовно-морального... Смех возникает в неготовом месте и времени. Смех несовместим с любого вида принуждением. Невозможно смеяться, в собственном смысле слова, по приказу. (Но можно играть смех на сцене или в угоду окружающим). Аутентичный смех в принципе исключает любые моменты насилия. Смех можно определить как событие, снимающее с какой-либо точки мира насилие. Смеху противостоит не всякая «серьезность», но лишь принуждение, противоестественность. Поэтому морфология смеха складывается или задается не как механизм норм и правил, но как внутренняя мера переживания свободы, наполненная имманентным смыслом. Существенной функцией смеха является снятие недо-разумения на границе виртуального и обыденного мира. Смех высвечивает фундаментальную способность человека – способность открыться миру возможного. Эта способность не сводима к ментальным, психическим или физическим свойствам человека, но объемлет его в целом и переживается подобно импульсу, пронизывающему все существо. В точке смеха виртуальная реальность оказывается как бы сопряженной с сущностью человека, т.е. человек возможный не является в этот момент неким alter ego, не может быть отчужден.

В момент смеха человек совершенно открыт. Снята оборонительная заслонка страха, створки раковины приотворились, обнажено самое сокровенное в человеке. В момент смеха человек столь же незащищен, как во сне. Открытость человека не является его наличным свойством, но в реальной жизни предстает как незавершенность, несовершенство или даже как та или иная убогость. И процесс завершения человека состоит не в замыкании его на некоем определенном уровне, а в высветлении новой меры открытости человека виртуальной реальности. Смех свидетельствует о том, что неотъемлемым измерением целостности человека является раскрытие в нем возможной вертикали и актуализация этой возможности. Смех является как бы исполнением человека возможного.

Точка смеха переживается как гармоничная согласованность важнейших свойств человека – мысли, чувства, воли, которые в той или иной степени пребывают под контролем социальных стереотипов, навязанных процессом воспитания и искажающих порой задатки, дарованные Богом. Особенно это касается воли, как элемента душевно-духовной жизни, наиболее подавляемого условиями как внешнего, так и внутреннего контроля. Прорыв воли к свободному самоопределению является важнейшим истоком радости, переживаемой в точке смеха. Если процесс воспитания не затронул глубинные основы душевно-духовной жизни человека, а коснулся только внешней благопристойности, формального приобщения к общепринятым нормам поведения, то такой человек зачастую оказывается «человеком в футляре», трусливо скрывающим свою истинную сущность и «надевающим» подходящие маски на тот или иной случай – «как бы чего не случилось?». Смех срывает ложные маски, действует разоблачающе по отношению к тому, для кого маска стала как бы собственной кожей, но на деле является сковывающим его мертвящим панцирем. Это прекрасно показано А. П. Чеховым на примере встречи «человека в футляре» Беликова со свободными людьми – учителем Коваленко Михаилом Саввичем и его сестрой, хохотушкой Варенькой. Рассказ Чехова можно воспринимать как песнь смеху, дарующему радость приобщения к живому образу в живом человеке. Смех чеховских персонажей бросает открытый вызов добропорядочному лицемерию и тем самым как бы намечает путь в этическое пространство поступка. В заведомо неподлинном пространстве смех апеллирует к подлинности, обнажает подделку, вскрывает ложную лицезовую сторону и демонстрирует «двойное дно».

Смех помогает не принимать слишком всерьез повороты событий, житейские катаклизмы. Смех помогает обличать ложные формы исполнения бытия, радоваться условному, ввиду его причастности безусловному, обнаруживая многомерность последнего. Смех добавляет к трехмерному пространству человеческой жизни новое смысловое измерение, которое предстает условным потому, что мы не в силах охватить единым взором целое, соотносить одну грань со всей структурой. Но эта условная грань – вектор, вводящий в архитектуру безусловного, указывающий неморальные истоки человеческой экзистенции, выход из фрагментарного, частичного существования, осознание фундаментальной неполноты собственного присутствия в мире.

Смех как экзистенциальный феномен противостоит не только внешнему грубому насилию, но и внутреннему принуждению, унынию, душевной пустоте. Как напоминал Г. С. Сковорода, тоска, скука, лень – состояния духовные, ведущие ко «внутренней пустыне», где человека ожидает «бес уныния». И чтобы «веселие сердечное» не оказалось легковесным, человек должен испытать себя. Смех является как бы праздником победы над этим духом пустоты и небытия. Праздник – это новое настоящее, которое прорывает дурную бесконечность актуализма, текущего эфемерно, бессобытийно и бесследно. Ложное время пасует перед праздником. Праздник же приносит взаимопроникновение времени и смысла, восстанавливает первоначало в потоке повседневности.

В точке смеха совершается эмоциональное и волевое превосходство человеком самого себя, его внутреннее освобождение. Смех восстанавливает глубину самоопределения, где не одна часть человека теснит другую (сознание волю или воля – фантазию), но весь человек превосходит самого себя. В точке смеха человек выходит за

всякую данность, за любое удобное готовое представление о самом себе. При этом человек не уходит от себя, но наоборот, приближается к своему существу, ибо истинная верность себе как своему первообразу состоит лишь в преодолении своей самости как фрагментарности и замкнутости. Вскрывая глубину собственного бытия, человеческий дух в точке смеха начинает различать в себе то начало, которое способно отвечать свободе. Человек смеющийся распрямляется и отвечает на вызов, брошенный свободой, своей открытостью миру возможного.